

Гера Фотич

**Генералы
песчаных карьер**

роман

**ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ**

*Скифия
Санкт-Петербург
2010*

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

Гера Фотич

Генералы песчаных карьер

роман

Фотич Г.

Ф74 Генералы песчаных карьер. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2010. — 336 с.

Жизнь современных генералов-силовиков всегда была покрыта мраком для обычных людей. Они кажутся нам некими небожителями возникающими ниоткуда и исчезающими в никуда. Но между этими двумя пунктами у них проходит целая жизнь, в которой есть место всему, чем их наделила природа и родители, чем они дорожат и что ненавидят. Что выберут они для себя — каждый решает сам!

УДК 82.31

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

ISBN 978-5-903463-40-4

© Гера Фотич, 2010

© ИТД «Скифия», 2010

Все отзывы можно оставить на сайте автора:

www.GeraFotich.ru

Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны. Если что-то покажется знакомым, или вы кого-то узнаете в героях романа, значит, моя цель достигнута — образ ожил!

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

...Новый роман Геры Фотича «Генералы песчаных карьер» — несомненно, большой шаг в его творческой биографии. Роман хорошо выстроен композиционно. Деловая встреча милицейских генералов в бане — и от нее, словно лучи, расходятся истории судеб всех участников — разные, но одинаково увлекательные и драматичные. Чрезвычайно интересны реалии милицейской службы самых разных направлений — транспорт, таможня, уголовной розыск, отдел собственной безопасности — и Фотич знает их досконально. Передает ярко и образно. Довольно подробно и убедительно показана и домашняя жизнь героев — именно в ней, порой, кроется причина морального краха, а иногда наоборот — именно близкие служат герою последней моральной опорой.

Главный движущий стимул при чтении хорошей литературы — сочувствие, сострадание героям, а не только их осуждение — и этот привлекательный фактор в сочинении Фотича несомненно есть. Книга, безусловно, полезная. Захватывает сразу и читается на одном дыхании.

**Председатель Союза писателей
Санкт-Петербурга,
Член Союза писателей СССР с 1969 года
Попов В.Г.**

*«...вы вечно молитесь своим богам,
и ваши боги всё прощают вам...»*

(Ю. Цейтлин)

ГЛАВА 1. Разрешите доложить

«Очень трудное время. Жестокое, но справедливое! Кто скажет, что нам жить легче, чем предыдущим поколениям, тот ничего о жизни не знает. Значит, он живёт где-то на её обочине. Бойтся взять на себя ответственность за происходящее. Кто он, этот недалёковидный мелкий обыватель. Почему он не может открыть глаза и увидеть наше героическое настоящее. Где идёт борьба за каждую пядь земли. Что мы отвоёвываем ради счастья великого российского народа, ради будущего наших детей...»

На этой фразе недавно произведённый в генералы МВД Сергей Евгеньевич Ткач поднял лицо от толстого альбома в синем переплёте, с желтыми, под позолоту вензелями на обложке, окаймляющими тиснёную надпись: «Дневник генерала».

Отложил в сторону ручку с золотым пером, надев на неё колпачок. Отвоевываем..., отвоевываем..., у кого отвоевываем? — подумал он.

Но не стал дальше развивать эту мысль. Решил, что начало получилось замечательное. И позже придумает, у кого всё-таки он отвоевывает пядь земли. Где-то он уже слышал, что современный читатель просто так не будет водить глазами по строчкам. Его надо брать за шиворот интригой и волочь по содержанию, словно слепого котёнка к миске с молоком. Только тогда он сможет хлебнуть жизненно важный ему напиток и оценить его по достоинству.

Удовлетворённый началом произведения, он с эстетическим удовольствием осмотрел свой кабинет. Совсем недавно его назначили на эту должность, и жена, просматривая каталоги, смогла ему найти соответствующую мебель.

Тёмно-бордовые кожаные диваны, словно притаившиеся гигантские звери, выпучив бока, ждали свои жертвы в объятия. Письменный стол из красного дерева хорошо сочетался со шкафами с двух сторон от входной двери. К одному из них, словно взлётная полоса тянулся приставной стол с двумя рядами резных мягких стульев. Их было ровно двенадцать.

Как двенадцать апостолов, — подумал Ткач, представив себя во главе, но затем усмехнулся — или «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова. В каком из них зашиты бриллианты?

Конечно прошлая обстановка была не хуже, и ремонт был всего полгода назад. Но так уж повелось в управлении: для самого главного делают ремонт по его вкусу и меняют мебель. Старую разбирают руководители низшего звена, а свою также раздают подчинённым. Так и растут в званиях и должностях карьеристы, протирая

стулья из-под своего начальства. Пока не дослу-
жаты до новых!

Не буду же я идти против традиции, — подумал он, — Какое мне дело до кризиса в стране, если бюджет выделяет деньги?

Генерал снова залюбовался лежащей перед ним ненаписанной книгой. Потрогал пальцем окутывающий её бархат. Провёл ногтем по шероховатой поверхности. Погладил рельефный переплёт, сделанный под старину. По телу пошли мурашки как от скрипящего по стеклу пенопласта. Он поёжился в предчувствии чего-то благостного. Такая безмятежность изредка окутывала его, когда он чувствовал, что всё получается. То, что уже совершилось, казалось незыблемым, и надо было двигаться дальше.

С любовью оформлена обложка, от доброго сердца, — подумал он. Этот альбом ему подарил приятель — главный редактор одного из самых ответственных государственных издательств города. И договор был составлен на опубликование в сто тысяч экземпляров. Ровно в два раза больше чем последний роман Пауло Коэльо!

Интересно, сколько это будет стоить в реальности? Впрочем, деньги за книгу уже были получены и поделены поровну. Мало того, Ткач успел купить на эти деньги небольшую квартиру в новом доме для своей любовницы Анечки. Правда, без отделки. И не совсем купил. Просто отдавали задёшево, но требовали одну небольшую услугу. Построить заместителя начальника одного оперативного отдела, чтобы он перестал под их фирму копать. Так и сказали смеясь:

— Ты строишь своего подчинённого — мы тебе строим кооператив!

Ну да это дело пустяшное! Можно даже в голову не брать.

Но вот книгу, надо обязательно написать. Дело ответственное, государственное. Исторический процесс! Что будущие поколения будут знать о нашем времени? А так возьмут «Дневник генерала» и сразу всё станет ясно! Может и в школьную программу включат мою книжку!

Надо с начальником управления народного образования переговорить. Он недавно был в прокуратуре на совещании по борьбе с детской преступностью. Я ему напомню про патриотическое воспитание! Всего-то сто листов, или двести страниц. Пусть из своего бюджета тоже раскошелится!

Бумага была толстая и поэтому книга выглядела внушительно. С директором музея милиции уже была устная договоренность, что данный оригинал, после опубликования всего тиража, пойдёт к ним в фонд. Тот даже обещал выбить из министерства премию. Ну, в крайнем случае, орден какой-нибудь. Конечно же, не милицкий — кому он нужен. Их уже предостаточно, А вот типа «Первозванного» — тот пойдёт. К нему вроде и цепь полагается, — размышлялся Ткач, — интересно золотая? Вряд ли. Разве президент раскошелится на золото для генералов? Только и гнобит на всех совещаниях. Сократить пытаются. А толку-то что? Пять лет назад, было очередное сокращение на десять процентов всего личного состава. И что же? Генералов было четыреста — стало шестьсот! Набрал себе команду

хохмач! Кого берёт? Как он их проверяет? Кто ему советует?

Старикова, моего бывшего начальника подтянул! Такую акулу! Всех их там пожрёт в ближайшее время. Видно точно с кадрами проблема. Но это и хорошо. Вот сейчас проверка министерская пройдёт, шефа снимут, а меня поставят! За что снять уж найдут. Да и я могу подсказать, если надо! Ну да ладно, что бежать впереди паровоза! Что-то я отвлёкся.

Ох, и тяжёлый труд писателя, — снова подумал он и глубоко вздохнул.

В этот момент зазвонил городской телефон.

— Сергей Евгеньевич, — услышал он голос секретарши Ольги, Москва на проводе. Стариков!

Лёгкок на помине, — подумал Ткач и взял трубку, вытянувшись по стойке смирно у стола, словно его мог кто-то видеть.

— Здравия желаю, товарищ генерал — лейтенант. Как здоровье?

— Не дождёшься..., — засмеялся голос в трубке, — До меня тебе ещё рановато!

Ткач сконфузился. Зная эту шутку Старикова, подумал, что начал разговор не с того вопроса. Решил дальше промолчать, подождать следующей фразы и догадаться, по какому поводу звонок.

— Слышал, ты книжку пишешь? — продолжал Стариков.

— Так точно, Андрей Петрович, — с облегчением вздохнул Ткач — значит, о долге не напомним, это хорошо, и продолжил, — да что там книжка, так, дневничок на сто листиков!

— Ну, ничего, нормально! А экземпляров сколько?

— Сто.

— Чего всего сто? Другьям на подарки? — искренне удивился Стариков.

— Сто тысяч! — обиженно уточнил Ткач.

— А! Ну, вот это уже разговор! — в голосе Старикова прозвучало удовлетворение, — Как думаешь распространять?

— Да я как-то ещё не думал, Андрей Петрович, — солгал Ткач.

— Ха — ха — ха, — это тебе не сто экземпляров. Где ты у себя в деревне столько милиционеров наберёшь? Могу тебе помочь за долю малую!

И не дождавшись согласия от Ткача, продолжил:

— Помнишь, как в прошлом году к юбилею МВД лотерею выпустили?

— Так это Ваша затея была? — в восторге не сдержался Ткач.

— А-то чья же? — самодовольно произнёс Стариков, — здесь в управлении татары узколобые оккупировали всё как при Чингисхане и думают, им на блюдечке принесут!

— А я-то гадал! — с откровенным подбострастием в голосе засмеялся Ткач. Всем сотрудникам вручили. Сначала отказывались. Да мы и не спрашивали. Начальникам подразделений раздали и сказали, чтоб деньги были через неделю. Сбоев не произошло! Ха — ха — ха! И кто-нибудь выиграл что солидное?

— Ха — ха — ха, — рассмеялся Стариков, — Ты что заболел? Конечно, а как же!

— И кто же? — насторожился Ткач недоумевая.

— Да я же! Ха — ха — ха, — ещё громче рас- смеялся Стариков, удивляясь несмышленности Ткача.

Теперь уже вместе они хохотали в свои труб- ки. Один самодовольно, а другой восторженно.

— Так я чего тебе звоню, — постепенно успо- каивая смех, продолжил разговор Стариков, — книжку твою так же будем распространять. И никаких тебе чеков и деклараций. Будет всё как благотворительная акция! Так что, как выйдет, сразу мне позвони!

— Есть, товарищ генерал — лейтенант! — по- добострастно с вдохновением отчеканил Ткач и ещё сильнее вытянулся у стола, словно приоб- щился к чему-то новому, неведомому раньше. Обретя ещё большую уверенность в правоте всеобщего дела. Положил трубку на рычаг.

Как же мы её будем продавать, — подумал Ткач, — если редакция уже за неё деньги вы- дала? По второму кругу что ли? Хотя, если на редактора нажать — можно оформить как благо- творительность.

Перезванивать с этим вопросом не стал.

Пока книжку напишу, — подумал он, — всё утрясётся. Вон Чубайс двадцать листиков на- кропал, а несколько лимонов получил. Правда, скандальчик потом случился — это оказалось взяткой. Но ведь потом! Кстати всё благополуч- но заглохло. А я что?

Ткач встал из-за письменного стола и про- шел к противоположной от окна боковой стене своего кабинета. Там висела большая картина, изображающая Петра Первого во весь рост. Её

на днях принёс знакомый художник и подарил, поздравив с присвоением генеральского звания. Узнав, что Ткач зачитывается Алексеем Толстым, изобразил его под Петра. Благо рост и круглое лицо с растопыренными кошачьими усами совпадали. Срисовать одежду в музее не составило труда.

Правда, как потом выяснилось, художник не знал, что генералу нравились произведения Алексея Константиновича. Но это уже не имело значение. Дело было сделано. Не рисовать же Ткача ещё и в образе Князя Серебряного!

Сергей Евгеньевич смотрел на себя в одежде Петра и думал:

всё бы хорошо, но вот если бы кто денегат подбросил. В последнее время, что-то поиздержался, задолжал. Сначала собирал на должность. Затем на присвоение звания. Аванс за книгу на Аньку ушёл. Совсем там очумели в Москве! Ценник просто ракетой летит вверх. Где здесь успеть насобирать? Если бы Стариков не помог — хана. А говорили, как генералом станешь, сами понесут! Ну и где? Слава богу, с новой должностью проблем не будет. Обещали решить в административном порядке. Но всё равно, так или иначе, придётся расплачиваться!

В этот момент секретарша сообщила, что приехал начальник Заречного отдела внутренних дел с докладом.

Ткач чуть не подпрыгнул от неожиданности. И, лукаво подмигнув Петру на картине, направился к столу.

— С докладом, с докладом, с докладом, — радостно стал напевать он про себя, слегка при-

танцующая, возвращаясь вдоль длинного приставного стола на своё рабочее место.

— Пусть зайдёт, — сказал Ткач, приняв серьёзный вид.

Ахмед Нарусович, слегка пригибаясь, словно боясь задеть головой люстру, зашёл в кабинет. Он был невысокого роста, худощавый, в салатном костюме с ярким зелёным галстуком. Чёрные умные глаза горящими угольками выглядывали из-под нависших кучерявых бровей. В левой руке у него был коричневый портфель из крокодиловой кожи.

Вечно эти южане выпендрятся так, чтобы аж светиться, — подумал Ткач, глядя на вошедшего.

Он вспомнил, что несколько лет назад, когда он ещё возглавлял отдел убийств, была директива не ставить на руководящие посты лиц кавказской национальности. А тех, кто случайно уже оказался на месте начальника, контролировать и по возможности, из оперативных аппаратов вывести. Сведения о выявленных сотрудниках ежедневно секретной почтой направляли в Москву. Стали активно приниматься меры по данному указанию.

Но вдруг всё резко переменялось, и сведения стали возвращать обратно. С чем это было связано, Ткач не догадывался. И только теперь, заняв высокий пост, он подумал, что кое-кто знал, что «чёрные» не подставляют. С ними можно иметь дела. Почему же их нельзя допускать к руководству?

Ткач, сделав недовольный вид, словно его оторвали от какого-то важного государственного дела, приподнялся из-за стола и протянул руку.

Ахмед мгновенно ускорил шаг и оказался рядом, пожимая расслабленную ленивую ладонь, тёплую и немного влажную точно долго польвованный в парилке берёзовый веник.

— Здравия желаю! — произнёс он с лёгким южным акцентом, заискивающе, глядя в круглое лицо генерала.

— Привет, привет, — спокойно ответил ему Ткач, — что скажешь?

— Пришёл доложить, товарищ генерал, — сладко улыбнувшись, Ахмед склонился и привычным жестом расстегнул на колене портфель.

Ткач давно знал Ахмеда, и понимал его с полуслова.

— Ну что ж, докладывай, — невозмутимо сказал он и выдвинул верхний ящик стола.

Ахмед вынул толстый белый конверт и положил в этот ящик.

— Садитесь, — продолжил Ткач, — поговорим об оперативной обстановке у тебя в районе.

При этом он задвинул верхний ящик и направился к стене, где находился шкаф с множеством полочек. Открыв одну из его половинок, достал початую бутылку коньяка и две стопки. Зашуршал обёрткой от шоколада.

Всё это принёс на приставной длинный стол и сел напротив Ахмеда. Разлив коньяк по фужерам, чокнувшись, негромко провозгласил тост:

— Чтоб так всегда!

И залпом выпил.

Ахмед слегка замялся, но строгий недоумённый взгляд генерала, мгновенно придав ему решимости, и опорожнённый фужер был поставлен на стол.

Ткач отломил кусок шоколада и положил в рот.

— Так, всегда, может не быть, — тоненьким голоском пропел Ахмед похожую на исламскую молитву фразу.

— Что значит не быть? — недоумённо, неожиданно резко вырвалось у Ткача.

Слюнявый шоколадный пузырёк выскочил у него изо рта и лопнул, брызнув во все стороны. Ахмед увидел, как коричневая капля упала к нему на галстук, но не посмел её стереть, стараясь запомнить испачканное место.

Ткач обратил на это внимание, подумав про себя:

Вот это воспитание!

— Район-то конечно хорош, — жалобно затянул Ахмед, — два рынка, десяток ресторанов, пристань...

Ткач понял, что это надолго. А ему надо ещё писать книгу.

— Ты в районе хозяин? — прервал он Ахмеда.

Ахмед вздрогнул и проглотил оставшуюся заготовленную речь:

— Конечно я, но ведь есть прокуратура, администрация, наркомдурь...

— Не пудри мне мозги! — снова прервал его Ткач, — Тебя, зачем туда поставили? Если не справляешься, так и скажи, найдём замену. Посмотри, очередь — в шляпах стоят. С кем не поладишь — сообщи, будем выходить на верхнее руководство. Работать надо, понимаешь, работать! Подбери себе команду нормальную и работай. И никаких «может быть».

Вон Васильев из Свердловского района. У него все показатели лучше твоих. Постоянно на

совещаниях его дрючат. А тебя ни разу не поднимали. О чём это говорит? О том, что я в тебя верю! Доверяю! Понимаешь? Так вот, доверие надо оправдывать!

Ахмед понял, что пора ретироваться.

— Постараюсь оправдать Ваше доверие, товарищ генерал, — сказал он, натянуто улыбаясь, — разрешите идти?

— Идите, — строго сказал Ткач.

ГЛАВА 2. Ласточка с весной!

После ухода Ахмеда, генерал расслабился наедине с собой, заулыбался и достал конверт из стола.

— Вот и первая ласточка,...ласточка с весной в сени к нам летит, — попытался радостно напеть он, изображая конвертом крыло летящей птички, но посмотрев в окно, вспомнил о летней духоте.

Какая разница, когда эти птицы прилетают, — подумал он, — главное, чтобы они что-нибудь с собой приносили!

Ткач улыбнулся сочинённой остроте и, подойдя к столу, аккуратно ножницами вскрыл конверт. Лицо его слегка поморщилось, что придало торчащим в разные стороны усам асимметрию.

— Зелёные, — недовольно буркнул он про себя, — бегай их меняй!

Но потом подумал:

Хоть так, а то наши начальники на контакт не очень-то идут. Южане сразу понимают, в чём вопрос: появился новый генерал — приди с уважением! Будешь в фаворе! Поздравишь несколько раз с праздником — считай, что вошёл в доверие. Дальше — не подведи!

Надо бы поменять нескольких русских начальников на чёрных. Может тогда начнут ображать!

Он посмотрел на часы и решил, что пора обедать. Радостно про себя заметил, что день до обеда прошёл плодотворно, так бы и дальше.

Уже подходя к двери, неожиданно вспомнил о книге и вернулся. Раскрыв её, продолжил писать:

« ...До обеда день как обычно прошёл напряжённо, постоянные доклады»...

На этом слове он остановился и, немного подумав, «доклады» зачеркнул.

Стал писать дальше:

« ....постоянные сообщения о совершаемых преступлениях не позволяли отвлекаться ни на минуту, заставляя быть сосредоточенным и готовым в любой момент принять правильное решение, взять ответственность на себя. В соответствии с графиком заслушивания приходил с докладом...»

Ткач опять остановился. Затем подумав, зачеркнул «докладом» и продолжил писать:

«...с планом устранения недостатков и перспективой раскрытия уголовных дел начальника Заречного отдела. Очень долго спорили и обсуждали, какими путями можно повысить эффективность работы подразделения. Невозможно описать в книге все обсуждаемые направления. Но единогласно пришли к мнению, о необходимости объединения всех сил в борьбе с преступностью: прокуратуры, администрации, наркомдури...»

Здесь он снова остановился и решительно зачеркнул последнее слово. Разборчиво написал:

«... Комитета по борьбе с незаконным оборотом наркотиков».

После чего, удовлетворённый направился в столовую.

Столовая находилась на третьем этаже, и ему надо было в духоте подняться на два лестничных пролёта. В здании продолжался ремонт, и Ткач специально переместил свой кабинет в самый низ, чтобы запахи с кухни не беспокоили московское начальство и проверяющих, идущих по второму этажу.

По привычке он направился в общую дверь, но вспомнил, что недавно по указанию шефа сделали отдельный вход из коридора. И, развернувшись, направился к нему.

Вот и ещё темка для разговора! — подумал он, — Надо бы Старикову позвонить, что начальник отгораживается от оперсостава.

Пока тот на больничном, соберу всё, что есть и доложу! А там уж пусть разбираются. И про ремонт доложу, и про вход в здание!

Шедшие по коридору сотрудники здоровались, и тем слегка раздражали генерала. Он знал, что его ладони постоянно влажные и перед тем как поздороваться, протирает их носовым платком. Знакомый психолог намекнул, что это от волнения. Получается, что я только и делаю, что волнуюсь. И подчинённые наверно так считают. Или мне перед каждым рукопожатием ладонь протирать?

Ну, сколько можно здороваться? Здесь народу под тысячу человек. Руку сотрёшь! Кто придумал, что по этикету начальник должен протягивать руку первым?

А если кивать всем головой. Я так и буду, как понукаемая лошадь идти? А не здороваться, тоже некрасиво. Скажут, генерала получил и зажрался. Доброжелатели напишут в Москву. А

там только того и ждут, у каждого есть свой кандидат на моё кресло — опять денег вези. Лучше делать вид очень занятого. Идти хмуро сосредоточенно и быстро, глядя в пол. Так-то лучше!

Ткач зашёл внутрь и упал в мягкое кожаное кресло. Здесь, как и в его кабинете тоже был кондиционер. Небольшой индивидуальный стол был покрыт белой скатертью. Здесь Ткач любил обедать один. Все это знали и, увидев через общую дверь, что генеральский кабинет занят, оставались в общем зале или уходили.

Несмотря на то, что все окна там были открыты, духота, словно желе окутывала пообедавших сотрудников запахом котлет, солянки, женской парфюмерии и пота.

Через дверь, соединяющую с общим залом, вошла девочка — официантка. Увидев генерала, тут же плотнее притворила её за собой, прищемив, попытавшийся хлынуть в прохладу смрад кухни.

Надо бы завязывать с этим делом, — подумал Ткач, — что я эту парашу ем на глазах у всех? Делаю вид, что мы единый коллектив, едим из одного котла? Вон шеф, даже не знает, верно, где столовая находится! Зачем только дверь сделал, для меня что ли или комиссии? Конечно, раньше он регулярно сюда ходил. За одним столом сидели. А потом бросил. Стал ездить по загородным ресторанам. В области вкуснее. Кстати надо бы и это отразить не забыть! А я что не заработал обед в ресторане? Хотя, это погодит. Сначала дело, а затем гуляй смело!

Ткач усмехнулся поговорке.

И зачем шеф затеял этот ремонт летом, в самую жару? Видно чувствует, что последние

денёчки командует, ну и решил напоследок денжат срубить! Сам-то на больничке! В управлении не появляется. Мои друзья хотели в тендер влезть — куда уж там!

Узнал, что от меня — позвонил, сказал не совалясь! Я что? Ничего! И про это сообщу! Мог бы поделиться. Забыл, что жадность рождает бедность? Себе паркет, кондиционеры — операм линолеум как пергамент. А как иначе? С чего строители откат насобирают? Пусть строят. Вряд ли он уже вернётся. Главное, чтобы опять какой-нибудь придурок в Москву телегу не накатал. Что они в Москве идиоты? Ничего не видят?

Ох уж эти опера! Всё пронюхали и пытаются любыми путями занести в смету кондиционеры для установки в собственных кабинетах. Подговаривают мастеров постелить им качественный линолеум, больше ламп закрепить на потолке. Даже сами доплачивают с оперативных расходов.

Знаю я эти оперативные расходы. Ларьки крышуют. Как уж они это делают, мне всё равно. Попадутся — получают по полной!

Вот проверка закончится, буду ездить на обед к руководителям районных подразделений, и смотреть какие оперативные позиции у них. Тут-то и ясно будет, кого нужно заменить.

Генерал посмотрел на часы. Через час началось совещание в уголовном розыске, и необходимо было присутствовать.

Закончив обедать, он позвонил в дежурную часть:

— Найдите мне начальника аналитического отдела.

Через минуту раздался звонок на сотовый:

— Товарищ генерал, слушаю внимательно!

— Ты доклад мне к совещанию в уголовном розыске подготовил?

— Никак нет, товарищ генерал, у Вас там выступление не запланировано. На повестке подведение итогов за полугодие!

— Понял, свободен.

Волнение прошло.

ГЛАВА 3. Совещание

Уже прошло пять минут после начала совещания. Ткач не торопился. Он знал, что без него не начнут.

— Ох уж мне этот уголовный розыск, — думал он, не торопливо спускаясь по лестнице, — бывшие бессеребрянники! Десять лет назад долларом напугать можно было. А теперь вокруг управления порше — кайены стоят и лексусы. Вот тебе и самая честная служба! Честная, пока не дадут. А научились работать как БХСС и стали давать. Ну конечно их понять можно. Зарплата начальника как у начинающего водителя троллейбуса. Про оперов вообще нечего говорить. Что там наверху думают? Только обещаниями кормят! Семьи им надо содержать?

Не все конечно могут крутиться. Большинство как не умело, так и не умеет. Вон взять, к примеру, УБОП. Кто умеет работать — тот в фаворе, у бандюков фирмы отбирает и сам крышует. А тот, кто не умеет — водку пьёт и в обносках ходит. Сразу видно кто на что способен. Там иначе нельзя. Это не уголовный розыск их за раскрытие преступлений не дрючат. Им подавай что-нибудь глобальное, чтоб по телевизору показали. То, что потом пшик будет, это никого не интересует. Ну, пусть только мне попадутся!

Ткач вошёл в актальный зал и все сидевшие внутри руководители встали.

— Здравствуйте, товарищи офицеры! — по давней привычке сказал генерал и прошёл в президиум, — садитесь.

Начальник управления уголовного розыска Сидоров Андрей Викторович стал докладывать показатели за полугодие.

Ткач тихо попросил у рядом сидевшего заместителя план заслушивания. Мельком заглянув в него, увидел знакомую фамилию начальника Заречного отдела. Вынул из кармана перьевую ручку и зачеркнул фамилию Ахмеда.

— Он мне сегодня докладывал! — сказал Ткач тихо сидящим в президиуме, — лучше послушаем начальника Свердловского отдела!

— У него вроде всё нормально, — зашептали сидевшие рядом руководители.

— Вот это-то и подозрительно! — заметил Ткач, — почему у него всё нормально, а у остальных — жопа?

Президиум замолчал. Кто-то ручкой внёс над зачёркнутым фамилию «Васильев».

Выступали руководители отделов главка и предлагали к заслушиванию начальников районных подразделений. Всё было как обычно. Ткачу не нравилась обстановка совещания. Складывалось впечатление, что заслушивают районы не для того, чтобы помочь, а чтобы показать ему, генералу, как главк распинает районных начальников.

— Раньше такого не было, — думал Ткач. Бывший начальник управления собирал всех за одним столом, сам садился рядом и начинали разбираться, чем кому можно помочь. Какие операции провести. Какие усилия куда направить. Пили чай. Бывало и покрепче. Главк знал, что его раскрываемость зависит от земли. А районные начальники всегда могли надеяться на помощь от ГУВД.

Теперь каждый был за себя. От этого становилось противно.

Уголовный розыск всегда отличался сплочённостью потому, что там нечего было делить, кроме проблем и забот. Теперь есть что делить! Деньги высасывают отовсюду. Возврат угонных машин. Крышевание игорных мошенников. Прикрытие сутенёрских контор и проституток. Взимание дани с гастарбайтеров. По заказу прессуют конкурентов. Как это всё опротивело! Уйти на пенсию? А кому я там нужен? На что я годен в обычной жизни? Шлагбаум поднимать на охраняемых воротах. Или опять заносы: у одного взял, другому занёс. Благо связями оброс за время службы.

Ткач просмотрел список присутствующих руководителей.

Ну, наконец-то, — обрадовался он, — хоть заполнили вакансию начальника первого отдела! А то аналитику возглавить некому. Спрашивается, как управление может работать без анализа криминальной обстановки в городе?

Фамилия показалась ему знакомой.

Неужели это тот Мамедов, — подумал он, — бездельник, участвующий в возврате ворованных машин потерпевшим? Недавно начальник управления собственной безопасности о нём говорил. Связь угонщиков?

Ткач решил уточнить, не откладывая, и прервав докладчика, обратился к присутствующим:

— Начальник первого отдела Мамедов здесь?

В зале наступила тишина.

— Ещё раз спрашиваю, кто не расслышал. Мамедов здесь?

На этот раз сбоку послышался взволнованный голосок начальника розыска Сидорова:

— Товарищ генерал, его нет, я Вам потом объясню.

— Это какой подполковник Мамедов, — уже тише обратился Ткач к Сидорову, что в тюрьме недавно отсидел за возвратки автомашин?

— Там дело прекратили, товарищ генерал, он под подпиской. Я всё объясню, — шептал Сидоров, краснея и наклоняясь к столу, чтобы в зале не слышали.

Но оттуда уже потянулись приглушённые смешки и тихие возмущения.

— Да Мамедов верно уж полковником стал, — сказал кто-то отчётливо, — тюремный срок зачли в стаж!

— И сам того не знает, что руководит отделом, — с издёвкой добавил кто-то.

Смех усилился.

Ткач смотрел на красную физиономию Сидорова и чувствовал, что сильно прокололся. Но где? Даже руководители отделов всё знают. Он подумал, что в последнее время мало уделяет времени изучению климата в собственном управлении.

Как-то мои оперативные позиции ослабли, — подумал Ткач. Надо бы кого из угрозыска пригреть, чтоб рассказывал, что у них там твориться!

Вскоре дошла очередь до Васильева.

— Пойдём ко мне, — тихо сказал Ткач Сидорову, — поручи вести совещание заму.

Сидоров пошептался с заместителями, и через пару секунд понуро последовал за генералом.

— Не вставайте, — негромко сказал Ткач в зал и вышел.

Как только они вошли в генеральский кабинет, Ткач обернулся. Сидоров был коротышкой, хотя и квадратным, поскольку раньше долго занимался борьбой. Но потом пошёл в милицию, и как большинство спортсменов стакан во лбу не держал. Частенько спал физиономией в тарелке, когда пьянка была ещё в самом разгаре. Ему стыдно и неудобно было смотреть на шефа задирая голову, и он, надувая щёки, бубнил, как Вини — Пух, грустную песенку упершись взглядом в генеральский живот:

— Так получилось Сергей Евгеньевич, не подумайте чего. Мамедов неплохой человек. Хороший руководитель районного звена. А то, что тюрьма, так это ж кто её не нюхал теперь, посчитай каждый пятый в КПЗ посидел...

— Но мы-то с тобой знаем, что он за дело был арестован, ведь так? — возмущённо прервал его Ткач.

— Так-то оно так, товарищ генерал. Да где ж сейчас верных людей-то найдёшь? А он ситуацией владеет, и понимает с полуслова.

— И хорошо понимает? — улыбнувшись, съязвил генерал.

— Очень хорошо понимает, Сергей Евгеньевич! Оперативные позиции держит и сотрудники у него в норме! Раскрытий много!

— Что ты мне бредятину несёшь, — Ткачу надоело это заговаривание зубов, — он ведь только

из камеры вышел. По-твоему, два месяца через тюремное окно руководил отделом? Как Ленин? Писал служебные записки на волю? Говори, сколько взял с него за должность и звание? Присвоить-то успели?

— Не успели пока, товарищ генерал. Управление собственной безопасности сопротивляется. Требуют справку о прекращении дела.

— Но деньги-то взял?

— Ну, да, — пробубнил Сидоров.

— Сколько?

— Пятнашку, — чуть слышно пролепетал тот.

— И конечно не деревянных?

Сидоров кивнул и понурился.

— Что-то, ты, товарищ полковник, голос потерял? С кого ещё деньги брал?

— Ни с кого, — торопливо забормотал Сидоров, надеясь, что дело подошло к концу, — клянись...

— Не гони, — прервал его Ткач, — хочешь, чтобы я приказал, все вакансии руководителей поднять за последние три года? И посмотреть, кто на них был подвешен, чтобы полковника получить?

— Никак нет, — тут же отрапортовал Сидоров, и совсем тихо добавил, — ну человек шесть — семь.

— Ну, ты и лис! — возмутился генерал, — у меня под носом открыл лавочку по продаже званий. Половина главка знает, а я не в курсе!

— Да сейчас все так делают, товарищ генерал! Надо же своим помогать!

— Это, каким своим? — неожиданно для себя самого возмутился Ткач, что-то задело

его внутри, быть может, появившееся с годами службы чувство офицерского братства, — С каких это пор тебе азербайджанцы своими стали. Вон у тебя руководитель агентурного отдела Фролов два года подполковником сидит, исполняет обязанности начальника. Ты с ним в одном окопе баланду хлебал. Афганец! Почему не дашь ему очередное звание?

— Так он не просит, — нашёлся Сидоров и покраснел, поняв, что сказал глупость и сейчас его шеф порвёт на портянки.

Но Ткач неожиданно успокоился:

— Не просит, или не несёт? — тихо спросил он, — ну да. А те просят и денег дают. Что за жизнь. Сами подонков делаем из людей, а потом удивляемся, откуда вокруг нас одни уроды?

— Так ведь время такое! — в тон генералу, тихо, словно подсказку произнёс Сидоров.

— Время такое? — переспросил Ткач, и, глядя в упор, назидательно продолжил, — время, Сидоров, всегда одинаковое: в минуте шестьдесят секунд, а в часе — три тысячи шестьсот. А вот люди...

— Разрешите идти исправлять ошибку, товарищ генерал? — воспользовавшись затишьем, засуетился Сидоров.

— Иди, — грустно согласился Ткач, — исправляйся, и заканчивай свою шарашкину контору, пока кто-нибудь в Москву не стукнул. Вылетись у меня как пробка из управления!

Сидоров понуро, задумавшись, направился к двери.

— Кстати, — остановил его Ткач, — кто у тебя встречает нашего проверяющего из Москвы?

— Подполковник Фролов, — отчеканил Андрей Викторович, приободрившись.

— Ну вот, чуть что, так Фролов, — укоризненно произнёс Ткач, — а звание Мамедову! Пусть зайдёт. Скажу ему пару слов.

— Есть товарищ генерал, — отрапортовал Сидоров и чеканным шагом добил оставшиеся несколько метров до дверей.

Через пять минут в дверях появился заместитель начальника оперативного отдела подполковник Фролов Игорь Михайлович, которого в управлении прозвали вечным замом. И совсем не потому, что он занимал указанную должность почти десять лет, и это ему нравилось, а потому, что все знали, что выше ему не подняться. Фролова не ставили начальником на всякий случай. Был он самоуверенным. Имел свою точку зрения. Вновь приходящие руководители видели в нём тёмную лошадку и не рисковали использовать в своих личных целях. А поскольку был он исполнительным, работал хорошо и несколько последних лет исполнял обязанности своего непосредственного начальника, то и поручали ему самые ответственные мероприятия.

Думали — провалит, так убьют двух зайцев: будет на кого списать и должность освободится. Но почему-то до последнего времени все, что ему поручали, проходило на «ура» и приходилось даже его награждать.

— Михалыч, — обратился к нему Ткач, — тебе поручили завтра в шесть встречать нашего проверяющего из Москвы?

— Так точно, товарищ генерал, — бодро ответил Фролов.

— Знаешь его в лицо?

— Кто же этого мудака не знает Сергей Евгеньевич, совсем тихо продолжил Фролов, — Халюков Владимир, забыл отчество! Мы с ним частенько возимся.

— Это не тот, который в прошлом году в милицейскую гостиницу стал девчонок заказывать? Такой длинный рыжий?

— Так точно он! — подтвердил Фролов, усмехаясь, — Ещё после пытался нас заставить оплатить ему проституток!

— Ну, фрукт! — возмутился Ткач, — Может сделаешь, чтобы он к нам вовсе не доехал? Придумай что-нибудь! Вывези его в лес подальше!

Ткач засмеялся своей шутке.

— Так другого пришлют, ещё хуже! — подхватил шутку Фролов.

— Ладно, — стал серьёзным Ткач, — задача поставлена, выполняй!

— Есть товарищ генерал, — ответил Фролов и вышел из кабинета.

Умный парень, — подумал Ткач, — сообразительный... нечего ему в начальниках делать. Пусть исполняет.

Оставшись один, Ткач снова подошёл к портрету и посмотрел на Петра.

— Ну, что висишь, родоначальник взяточничества? Говорят, что это ты своим заместителям денег не давал? Говорил, что и так наворуют? Вот теперь и смотри на результат — улыбайся!

Настроение испортилось — он представил себе всю глобальность процессов идущих в правоохранительных органах. От такой необъятности закружилась голова. Он сел за свой стол

и посмотрел в окно. Солнечные лучи разбивались об отражающее покрытие стеклопакетов. Их жалкие проникающие остатки благополучно тушились кондиционером, истребляя даже намёк на уличную жару. Здесь был совсем другой климат.

Ткач отодвинул от себя книгу и задумался.

— Что же делать со всем этим? Ведь совсем недавно всё было по-другому. Двадцать лет назад. Когда мы пришли операми на землю.

Что изменилось? Ну да, водку пили. Зато работали как проклятые. Разгребали дерьмо. Тот же Сидоров падал под утро рожей в салат, а потом просыпался и ехал брать маньяка. Кто бы ему тогда сказал, что он будет через двадцать лет званиями торговать — застрелил бы верно. А я тоже хорош. Казначей! Деньги снизу собираю и наверх передаю. Противно. Ну а как жить? У меня — генерала, зарплата тридцать тысяч. У Аньки такая же была, когда секретаршей работала у моего приятеля — бизнесмена.

Кажется, ну вот ещё немного, и наступят перемены. Каждый новый президент об этом говорит. Распускают слухи, что специально денег не платят, чтобы отсеять случайных попутчиков и карьеристов. И как очистят ряды, так и зарплату сделают достойной. Но эти слухи возникают и пропадают уже на протяжении двадцати лет и никто им уже не верит. В регионах опера стали бунтовать через интернет.

А на прошлой неделе и ОМОН голову поднял. Стал рассказывать, как они деньги зарабатывают и своё руководство обогащают. Ну а что же делать? Про военных пенсионеров вообще на

несколько лет забыли. Всем пенсию прибавляли, индексировали, а им — нет. Просто вычеркнули из живых!

Опять реорганизация! Видимо фээсбешники не спят! Учюяли волну в милиции — наверх доложили. Теперь всё закончится обычным тупым сокращением. Под него всех неугодных и сольют. А неугодные теперь кто? Те, кто неуправляем. Надо же формулировку придумали для тех, кто имеет своё мнение и отстаивает его. Надо будет Фролова отправить на пенсион!

Ткач почувствовал, как у него заныло сердце. Он достал из сумочки флакон изокета. Прыснул под язык неприятной жидкостью. Во рту зашипало. Мысленно, поблагодарил знакомого доктора, за совет носить это лекарство постоянно с собой.

Так и окочуриться недолго от таких мыслей, — подумал он, — надо просто жить. Раз уж попал в колоду — следуй её правилам. Не хочешь — свободен. Другие на твоё место встанут. Иди, получай пенсию десять тысяч и пиши мемуары.

ГЛАВА 4. Петров

В кабинет осторожно постучали.

— Странно, — подумал Ткач, — куда секретарша смылась, не предупредив?

И не выходя из-за стола, крикнул:

— Войдите!

Это был подполковник Петров длинный и худой с украинскими усами и глазами побитой собаки, с которым Ткач начинал работать в отделении милиции простым опером. Петров Алексей Иванович был его первым начальником — старшим группы и выглядел совсем по-другому.

Не то, чтобы Ткач его не любил. А просто видеть не очень хотел. Шло от него какое-то дуновение из тех далёких времён, когда были они все молоды и мечтали об искоренении преступности, о спокойной жизни граждан. Когда не было привычки обниматься при встрече, но более близко-го человека, чем напарник, прикрывающий твою спину, не существовало. И это дуновение проникло в душу Ткача немым укором, словно заноза начинала саднить внутри, ворошить погребённое когда-то и забытое, казалось навечно.

Та устоявшаяся, воздвигнутая годами генеральская пирамида уверенности и правильности в своей жизни, начинала рассыпаться мелкими песчинками. Расползаясь с самого верха вниз, захватывая с собой другие. Образуя оползни, грозя превратиться в лавины, несущие в своём грязевом потоке все, что встречается на пути, перемалывая гранит в песок.

Виделись они не часто, быть может, раз в два или три месяца. Да и то на оперативных совещаниях. Когда Ткач сидел в президиуме, а Петров где-то в глубине зала. Но где бы он не находился, их взгляды обязательно пересекались. И взгляд Петрова, словно выстрел из прошлого, пронизывал броню из наград и званий Ткача в очередной раз, ранив чувствительную душу.

И вроде бы ничего особенного не было в этом взгляде. Но Ткачу казалось, что в нём таится маленькая смешинка, словно искорка насмешливого покровительства. Подобные тем, что сопровождают умилённые взгляды мамаш, тещащих своих любимых чад, выросших у них на глазах, и пытающихся неумело ухаживать за понравившимися им девочками.

Это было время восторгов. Первых раскрытий, задержаний преступников. Когда Ткач начал верить в себя. Что он тоже может помогать людям.

Петров знал его тогда, как облупленного. И если с кем-то Ткач мог бравировать своей оперской биографией, то при встрече с Петровым, чувствовал себя обнажённым. Точно вся физиономия Ткача была измазана украденным у бабушки вареньем.

Петров никогда ничего не просил и только здоровался при встрече. Но это ещё больше стыдило Ткача. Генерал убеждал себя, что это от того, что Петров не сделал карьеру и остался опером, правда, главка. Но сути это не меняло и оправдание генерала не успокаивало.

У Петрова была куча начальников и все пытались ему что-то воткнуть. То пошлют на усиление, то в засаду.

Было бы проще, если б Петров пришёл к нему и попросился на повышение. Каким либо начальником в район или здесь в управлении. Тогда бы они вроде как поменялись местами, и долг Ткача возместился бы его милостью. Но Петров не приходил. И не смотря, что его чиховостили со всех сторон, был упрям как палка. В свои сорок восемь лет так и не научился идти на компромисс. Всем говорил правду-матку. Поступал так, как считал нужным.

При встрече в коридоре угрюмо здоровался и, взглянув на Ткача, отводил взгляд в сторону. Ткач убеждал себя в том, что просто Петрову стыдно за себя, что даже не дослужился до полковника и вряд ли дослужиться. Но где-то глубоко в душе Ткача скрёбся маленький жучёк, настырный, невытравливаемый и непрогоняемый. С которым, как не хотел, Ткач, справиться не мог.

Он был в состоянии руководить всем, что было снаружи, но тем, что было внутри его самого и продолжало монотонно разъедать выстраиваемую им защиту из оправданий, он не владел. И каждый раз, видя Петрова, генерал чувствовал, как подгрызаемая внутри оборона постепенно разрушается.

В начале службы Петров учил Ткача всему, что знал сам. Таскал по подвалам, по притонам. Знакомил с осведомителями. Учил вербовать и колоть. Хотя воздействовать на преступников Ткач так и не научился. Петров не давал ему огорчаться.

— У каждого сотрудника в цепочке раскрытия преступления есть своё звено, — говорил он, похлопывая Ткача по плечу.

Обессиленному преступнику, изнурённому опросами, предъявляли Ткача. И говорили, что теперь с ним будет разбираться этот громила с кошачьими усами. Сергей делал злобное лицо. Мучениям задержанного приходил конец — он рассказывал всё, что знал.

Но вообще-то с преступниками Ткач общаться не любил, и с удовольствием ездил на какие-нибудь сборы или курсы повышения квалификации. На что других оперов было не загнать. И, несмотря на косые взгляды оперсостава, пистолет подмышкой убеждал его, что всё же он настоящий опер.

Эти убеждения однажды закончились.

Ткач тогда уже женился на генеральской дочке, которую вычислил по месту жительства, и якобы случайно познакомился. Тесть готовил его к повышению, знакомя с нужными руководителями. В общем, всё было на мази.

В тот вечер, поднимаясь к себе на этаж, Ткач увидел на лестничной площадке у окна двух подвыпивших бомжей, обоим было лет за тридцать. Один повыше ростом и плотнее комплекцией. Он говорил резко, обрывая на половине фразы своего собеседника, и видно было, что к теме разговора настроен более агрессивно. Второй был худощав. С узким длинным лицом и большим орлиным носом, выглядывающим из-под нависшей чёлки тёмных кучерявых волос. Периодически он мотал головой, убирая её с глаз, и приглаживал рукой к голове, где она

некоторое время держалась, но затем снова постепенно сползала вниз. Присев на узком подоконнике низкого окна, они философствовали о современной жизни, периодически прикладываясь к «красной шапочке» (продававшееся в аптеке лекарство на спирту, с завинчивающейся красной пробкой). На закуску, едва прикрытый куском газеты лежал ломтик сыра.

Что дёрнуло Ткача вспомнить о своём долге, он так и не мог вспомнить потом. Но зайдя в квартиру, положил портфель и снова вышел, обнажив оружие.

— Вы что здесь притон устроили, а ну идите отсюда! — грозно произнёс Ткач, держа в руке табельный «макаров».

Бомжи посмотрели на молодого человека.

Того, кто повыше, этот наезд, казалось, даже развеселил.

— Ну, вот тебе наглядный пример современного бандита! — сказал он, обращаясь к своему товарищу и показывая на Ткача.

— Я сотрудник милиции! — громко сказал Ткач, — ну-ка убирайтесь отсюда, пока я вам мозги не повышибал!

Эту фразу Сергей услышал в каком-то боевике, и всё хотел где-нибудь ею воспользоваться, но не позволяли обстоятельства.

— О! — громко сказал тот, что здоровее, — Вот это и есть слияние с организованной преступностью. Всё к тому идёт. Большой разницы скоро наблюдаться не будет, что бандит, что милиционер! Послушай его лексикон!

Ткач подумал, что в полумраке подъезда бомжи не разглядели его пистолет и решил подойти

к ним поближе. Он спустился к незнакомцам на площадку и, передёрнув затворную раму, громко произнёс:

— Последний раз предупреждаю, я сотрудник милиции буду стрелять!

Тот, что помоложе, с оторопевшим видом встал с подоконника и попытался укрыться за спиной своего приятеля, который тоже поднялся.

— Михаил, — по-моему, нас сейчас будут расстреливать? — дрожащим голосом произнёс он, — За что? Это казнь?

— Не будет, — уверенно сказал Михаил.

Он шагнул вперёд и, схватив пистолет за дуло, выдернул его у Ткача. А затем, поставив его на предохранитель, сунул в карман куртки.

— Вот так мы поступали в Афгане, сынок, когда на нас направляли дрожащее оружие, — сказал он, и обернулся к своему приятелю, ища поддержки.

— Что вы делаете Михаил? — закричал тот, — а вдруг он действительно сотрудник милиции?

Ткач онемел от ужаса. Его пистолет в руках бомжей! Они сейчас убегут и где их искать? Карьере конец! Будущего нет! Завтра всё управление будет знать, что у него отобрали пистолет неизвестные наглецы. А если они отнесут пистолет в прокуратуру? Расскажут, что он им угрожал! Уголовное дело! Увольнение. Зачем тогда он пошёл служить? Для чего женитьба? Что скажет своей матери? А брату? Он представил, как брат будет смеяться над ним, приехав с севера. Издеваться, как делал это раньше подростком, когда у Сергея что-то не получалось...

Все эти мысли разом закружились в его голове не давая принять правильное решение.

Неожиданно словно из далёкого прошлого, какая-то детская обида выплеснулась изнутри, словно его за чужие шалости, ни за что наказали взрослые. Буд-то брат как обычно свалил вину на него. И за это Сергея лишили того, к чему он так долго стремился и чем уже по праву владел...

— Папа, папа! — закричал он, убегая вверх по лестнице к квартире жены, — у меня пистолет отобрали!

Тесть, в генеральском галифе, с подтяжками на майке, приоткрыв дверь, выглянул на площадку.

— Ну что там у тебя? — командным голосом спросил он вбегающего в квартиру зятя.

— Бандиты отобрали у меня пистолет, — взволнованно причитал Ткач, хватая трубку телефона, — я позвоню в милицию!

— Ты сам милиция, что забыл? — усмехнулся тесть, нажимая на рычаг телефона, не давая звонить, — хочешь меня опозорить на всё МВД?

— Что же делать? — суетился Ткач не находя себе место, бросаясь из одной комнаты в другую, — Они сейчас скроются!

Жена и тёща бледные сидели на диване, боясь что-либо сказать.

Тесть, не торопясь вразвалочку вышел на площадку и посмотрел на мужчин. Его крепкая коренастая фигура внушала уважение.

— Отдайте ему пистолет, мужики, — обратился он к бомжам, с ехидцей добавив, — он больше не будет! И ступайте по добру по здорову!

Бомжи уставились на генеральские лампы.

— А Вы что — генерал? — спросил Михаил.

— Был генерал, да вышел весь, сейчас в отставке, — ответил тесть Ткача, спускаясь вниз, протягивая руку к оружию, — А это мой зять — он действующий милиционер. Верните пистолет.

Михаил, немного подумав, передал ему «макаров».

— Пусть не балует, — добавил строго, — это не игрушка!

В этот момент в окно парадной ворвался мигающий свет синего маячка. Несколько бойцов в бронежилетах устремились по лестнице вверх. Из квартиры выскочил Ткач и, размахивая удостоверением, потребовал, чтобы бомжей забрали в отделение и возбудили дело по нападению на сотрудника милиции и захвате оружия. Бойцы забрали мужчин с лестничной площадки и вместе с Ткачём пошли к машине.

Тесть посмотрел им вслед.

— Всё-таки позвонил, — сказал он вслух и, презрительно сплюнув в ведро для пищевых отходов, вернулся в квартиру.

Через неделю после этого происшествия Ткач с подачи тестя уехал учиться в московскую академию МВД на дневное отделение.

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

Гера Фотич

Генералы песчаных карьер

Дизайн обложки
Корректор
Оригинал-макет
Редактор

Е. Ларионов
Л. Фасеева
П. Домбровский
И. Знаешев

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
190000, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.Piterbooks.ru

Книги: от рукописи до тиража
Изготовление и распространение.
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.Skifiabook.ru

Подписано в печать 26.07.10
Формат 84x108¹/₃₂. Объем 17,6 усл. печ. л.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Искусство России»»
198099, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 38, корп. 2